

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КРЕСТЬЯН ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА И ГАЗЕТЫ «ВПЕРЁД!» (1873–1877 ГОДЫ)

А. В. Забровский

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 мая 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются представления П. Л. Лаврова о причинах, ходе и итогах переселения крестьян во второй половине XIX в. Недостаток собственных и выделяемых крестьянам правительством средств, нераспорядительность властей на местах и ряд других причин предопределили неудачу переселенческой политики. Выход народники видели в социальной революции и решении земельного вопроса в интересах крестьян.

Ключевые слова: Лавров, переселенцы, переселенческая политика, колонизация, крестьяне, казаки, самобытность, традиции, социальная справедливость, социальная революция, Северный Кавказ, Поволжье, Сибирь, Дальний Восток.

Abstract: this article discusses the presentation of P. L. Lavrov about the causes, forms and types, origins and directions, stages, course, difficulties and the results of the resettlement of peasants during the second half of the 19th century. Lack of own and public funds, mismanagement by the authorities on the ground and a number of other reasons determined the failed resettlement policy: were not resolved the agrarian question and the problem of growing situation of poreformennyh peasants. The Narodniks saw the way out in the social revolution and the decision of the land question in the interests of the peasants.

Key words: Lavrov, resettlers, resettlement policy, colonization, peasants, Cossacks, originality, traditions, social justice, social revolution, North Caucasus, Volga area, Siberia, Far East.

Анализируя многочисленные материалы с мест и сообщения легальной прессы, Лавров суммировал трудности материального положения крестьян, вынуждающие их в надежде на лучшую жизнь покидать обсиженные еще предками места и искать новые: «Везде препятствиями к возвышению экономического состояния являются: недостаточный надел земли, побуждающий крестьян идти на заработок, неправильное вообще распределение доходов страны и, наконец, тяжести лежащих на податных сословиях государственных налогов». В подобных условиях нищеты и безысходности надежда на лучшую жизнь вынуждала крестьян покидать обсиженные еще предками места и искать новые [1, с. 57].

Крестьяне переселялись семьями, находящимися в родственных отношениях, концами, деревнями, селами, иногда и целыми волостями, насчитывающими в своих рядах от нескольких тысяч до многих десятков тысяч, за свой счет, мирские капиталы и государственную помощь. Крестьяне уездов Щигровского и Фатежского Курской губернии и Малоархангельского Орловской губернии «распродают имущество и готовы переселиться» в Оренбургскую губернию. Точно также ежегодно идет «эмиграция в степи» крестьян Белгородского уезда Курской губернии и Змиево-Сумского Харьковской [там же, с. 67].

Отмечая организацию и ход переселения крестьян, Лавров писал, что нехватка денег, питания, одежды, житейские невзгоды и семейные неурядицы, дорожные происшествия и многое другое сопутствовали «пионерам», усугубляя трудности их передвижения. Из Калужской губернии крестьяне переселяются десятками семей в Тобольскую губернию, «так как в своей губернии вследствие семилетнего неурожая им положительно нечем кормиться». Хлеб продается здесь за 1 р. 50 коп. за пуд и крестьяне «страшно бедствуют». «Значит, велика нужда калужского крестьянина, если он, покидая родину, отправляется в такую страшную даль... Без денег, в плохой одежке, будут пробираться эти несчастные горемыки».

Используя письма в редакцию и сведения легальных газет, Лавров описал приезд и выбор мест переселенцами, встречу их властями, первые шаги и итоги освоения новых мест обитания. Так, десяти крестьянам с. Ивановка Шацкого уезда Тамбовской губернии, писал он, не приглянулись земли, выделенные им «распоряжением губернского по крестьянским делам присутствия». Новые места (адрес вселения крестьян, как и губернский документ, не уточнены), по их мнению, «больно плохи: там невозможно жить, пески да овраги, и цыгане не живут на таких местах. Если бы было удобно, мы переселились бы, об этом мы говорили и начальству. На новых местах рыли два колодца, но до воды не дорылись. Хлеб родится плохо. Тесно, кругом чужие поля, так

что и курицу выпустить некуда». Крестьяне даже были «готовы отказаться» на прежнем месте «от полевой земли и остаться на одних усадьбах». Тамбовские же власти переселением пытались всего лишь более равномерно расселить быстро растущее население края [2, с. 74].

В тяжелейшем положении оказались и переселенцы из центра России, бежавшие от неурожаев на восток. В декабре 1873 г., как писали газеты из Оренбургской губернии, отмечал Лавров, «нельзя не обратить внимания на критическое положение, в которое поставлены переселенцы, прибывшие... изнутри России, голодом, следствием трехлетнего неурожая (уезд и губерния не указаны. – А. З.)». Еще «дома», выполняя правительственные условия по переселению, они продали «скудное имущество за низкую цену» и, увлекшись «дешевизною земель в Оренбургском крае», «потеряли» здесь «последние крохи на обзаведение семенами и рабочим скотом, так как приведенный со стороны весъ выпал...». Надежды крестьян на счастливую жизнь не сбылись. К приезду переселенцев не были готовы на местах. На новом месте «эти пионеры очутились в безысходном положении: без хлеба, без домов, без запасных магазинов, при суровой зиме в местности, где нет других средств сообщения, кроме гужевой перевозки.

Лавров не вел подробного учета переселенцев. В целом по стране он писал о сотнях тысяч перемещающихся крестьян с центра страны на восток и юг. Пореформенное переселение не было ровным, пережив период спада в конце 1860-х гг. из-за сдерживаемой правительством миграции и подъема в половине 1870-х гг., вызванного неурожаями, финансовыми трудностями и голодом 1873 г. Лавров верно определил причины и периоды переселения крестьян. Исследователи считают, что переселение было подчинено определенным законам. Так, Д. Н. Белянин делает вывод о «наличии объективных закономерностей, которым подчинялось переселенческое движение в конце XIX – начале XX в. и которые обуславливали волнообразность миграционных потоков крестьян» [3, с. 93].

Лавров четко не обозначил, но писал о двух этапах в переселении крестьян. На первом этапе, до середины 1860-х гг., оно было преимущественно государственным, когда царизм пытался решить острый для него вопрос – прикрыть южные и дальневосточные рубежи страны. Власти более охотно предоставляли возможности государственным крестьянам и препятствовали переселению бывших помещичьих, боясь оставить дворянские хозяйства без рабочей силы, в которой они действительно нуждались. Государство не всегда инициировало переселение, но в основном управляло переселенческим процессом, затрачивая при этом значительные средства на передвижение,

организацию сельскохозяйственного производства, проведение казенных работ и т. д. С середины 1860-х – первой половины 1870-х гг. переселение стало массовым, происходило по инициативе крестьян и местных властей. Отметив противоречивость этапов переселенческой политики государства, когда поддержка переселенцев властями сменилась их сдерживанием, Лавров считал, что в целом переселение крестьян происходило не всегда организованно, их ждали не всегда хорошие земли в местах назначения, много трудностей при обустройстве на новом месте, да и финансовая помощь была недостаточна или вовсе отсутствовала. По его мнению, переселение крестьян было вынужденной мерой, способной на короткое время ослабить остроту звучания социального вопроса и отсрочить окончательное его решение. Выход виделся Лаврову в ликвидации помещичьей системы землевладения и хозяйствования при сохранении и развитии общинного землевладения и хозяйствования.

Н. К. Судзиловский в статье «Народ и студенчество», которой Лавров отвел важное место в освещении органом земельного вопроса, высказался по основным чертам проблемы передвижения крестьян на новые места обитания, проанализировав сведения и факты этой темы из материалов Поволжья.

Правительство, писал Судзиловский, длительное время раздавало земли на юго-востоке страны своим сановникам, приближенным, военным, церкви и государственным крестьянам. Спустя десятилетия, «эти дары неуклонно продолжают раздаваться и по сие время, так как... источник – государственные земли – еще далеко не истощился». И только сейчас «явилась необходимость заселить все эти площади живым рабочим скотом, который бы кормил... хищное тело двуглавого орла» [4, с. 49–50].

Общая картина переселения крестьян в Поволжье и его колонизация виделись автору следующим образом. Крестьяне центра России, писал он, по разным причинам и путям оказывались на свободных землях: по инициативе государства и по их собственной инициативе, когда нехватка земли как основная причина только сопутствовала государственной политике переселения крестьян на юго-восток. Часть поселенцев поступала в край по административным и политическим мотивам, когда «заволжские степи наполняются ссыльными преступниками» [там же, с. 50]. Помещикам же, «получившим за Волгой землю, дано было право переселять на жалованные участки своих крестьян из других имений в России». В лучшем положении оказались иностранцы (немецкие колонисты), которым давали по 60 десятин лучшей земли, освобождая «их от податей на огромное число лет и от солдатчины – навсегда». В этой связи народником отмечалось содержание правительственной политики

переселения крестьян, когда на словах оно пыталось облегчить участь обезземеливающего крестьянства в России, а на деле не создавало должных материальных условий для массового его переселения в обживаемые районы Северного Кавказа, Кавказа, Поволжья [там же].

Н. Г. Кулябко-Корецкий кратко раскрыл в «Письмах из Орла», обзоре «За две недели» и статье «Плоды реформ» в изданиях «Вперёд!» переселенческую политику царизма, указав на ее основную причину, районы и характер. Так, бедственное положение вынуждало бывших крепостных в массовом числе переселяться на восток: «Достаточно указать на то, что в настоящее время крестьянские повинности за весьма редкими исключениями поглощают не только чистый, но даже весь валовой доход с полученного надела, так что крестьяне даже таких губерний, как Полтавская, Курская, Самарская и т. д. (не говоря уже о губерниях средней и северной полосы России) с радостью готовы расстаться с «обеспечивающим» их наделом, массами бросают эти земли без обработки и кидаются на переселение в те места, «где лучше», — конечно, по их только соображениям [5, с. 90].

Дальний Восток был необжитой территорией, и Кулябко-Корецкий призывал правительство оказывать переселенцам, идущим через Сибирь крестьянам, помощь при заселении дальневосточных земель. Но автор не ставил предметом своего обозрения выяснение вопроса, насколько земледелие могло обеспечить потребности переселенцев, как и потребности края в хлебе и в других продуктах. Не всматривался он и в проблему отношений переселенцев с немногочисленными аборигенами, для которых основными занятиями были охота и рыбная ловля. Народник обратил внимание на принудительный, административный способ переселения крестьян на Дальний Восток, преследовавшее, на его взгляд, две цели. Власти, с одной стороны, переселением наказывали взбунтовавшихся крестьян, а с другой — заселяли и хозяйственно осваивали новые территории. Тем самым они обеспечивали и оборону края, и дополнительно увеличивали численность казачьего населения. Ссылаясь на газету «Русский мир» (№ 255 за 1876 г.), Кулябко-Корецкий упоминает о трудном экономическом положении амурских казаков, «насилованно» выселенных в этот край света. Министерство государственных имуществ, контролировавшее переселенческий процесс, создало комиссию для исследования причин «бедственного положения казачьего населения на Амуре». Тем не менее, несмотря на правительственную инициативу переселения и его последующий контроль за процессом, лучше от такой заботы не становилось, считал «Вперёд!» [6, с. 738].

Корреспонденция «Из Нижнего Ломова», носящая по содержанию и логике изложения публицистический характер, расширила созданную народниками картину переселения крестьян. Ее неуставленный автор подчеркивает две особенности этого процесса — привязанность крестьянина к своей земле и отличие его от «бродяжничества». Основной причиной переселения крестьян корреспондент считал нищету и бедность, порожденные малоземельем: «Недостаток земли — вот причина этой нищеты... этих вечных переселений с Севера на Юг, с Запада на Восток, в... надежде отыскать, “где лучше”. Эти же причины, несмотря на отмену крепостного права, делают работника бесправным и при переселении» [7, с. 759]. Тем не менее крестьянин, утверждал он, с трудом покидал обжитые и призывные места своего обитания: «Человек не так-то легко решается на переселение, а наш крестьянин в особенности, — он выдумал пословицу: синица в руке лучше, чем сокол в небе... Насколько я наблюдал..., русский мужик твердо держится насиженного места... и надо, чтобы синица в руке совсем истрепалась, когда он решится променять ее на то неопределенное, что летает в небе» [там же, с. 760]. Кравчинский же, полагая, что крестьянин не смотрел на землю как на собственность, иначе объяснял психологию переселенца: «...Для наших крестьян никогда не представляло никакой трудности переселяться на новые места, если только они могли взяться за ту же работу и вести тот же образ жизни, к которому привыкли на родине» [8, с. 166].

Корреспондент не верил «заявлению какого-то писателя, что в крови нашего мужика страсть к бродяжничеству», но признал «не малое» наличие и у нас сел, где «несколько душ считается в безвестной отлучке». У них все обстоит проще: «плюнул мужик на родную деревню, на жену и детей — пропал неизвестно куда; ...не возобновляя по несколько лет паспорта, бродит он по Сибири, по Кавказу, по берегу Черного моря, ...пока не поймает его где-нибудь в Царевококшайске (Казанская губерния. — А. З.) становой, всегда после дебоша...». Проходит немного времени, и бедняку «для заработка выдают снова паспорт и он снова пропадает с ним лет на 10, до нового “упека”. Это тоже старая история!» [там же, с. 760–762].

Такова была авторская позиция. О «бродяжничестве» как образе жизни, о «жидком» состоянии русского общества писал, например, историк С. М. Соловьев.

Автор кратко характеризует состав выселяющихся, направления и ход переселения. Он писал, что на новые места снимались нередко целыми селениями и деревнями, семьями, родственниками, соседями: «Едут все: и старики, и молодые, и грудные дети; кто может идти — плетется за обозом; полураздетые,

...прося по дороге милостыню, или молоко для ребенка, ...и который, бог весть, дойдет ли до места...» [там же, с. 760].

Гонимые нуждой «на новую жизнь» переселенцы производили не лучшее впечатление своим бедным скарбом, внешним видом и прочим: «Не раз корреспонденту случалось и в нынешнем (1876. – А. З.) году, как и в прошлые годы, встречать длинные обозы этих переселенцев». Неизвестный автор, как и его предшественники, отмечал массовый поток переселенцев из центра страны на юго-восток и восток [там же].

Корреспондент одобрял переселение как выход для крестьян на короткое время из нищеты, говоря во след переселяющимся: «С богом, добрые люди, – ищите “где лучше”, может, и найдете». Однако он еще и сомневался: «Только вряд ли!» [там же].

Наблюдение народника не лишено оснований. И. Д. Ковальченко писал, что «переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Не привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев» [9, с. 63].

Итак, «Вперёд!», используя конкретные факты, сведения и мнения корреспондентов, читателей, русской прессы и общественных деятелей о переселении крестьян, рассмотрел с народнических позиций основные черты этого процесса и создал тем самым его цельную картину, выглядевшую следующим образом. Журнал сделал правильный и убедительный вывод, что недостаток земельного надела, бурный рост населения и его стремление к лучшей жизни были основной причиной переселения крестьянства. Найденные обществом «ходоки» в порядке очередности отправлялись изучать район предполагаемого вселения. По их возвращении и выслушивании общество принимало уже обдуманное и устойчивое решение о переселении. Далее, уточнял «Вперёд!», ходатайство обществ или семейств о переселении рассматривалось на местах и лишь потом направлялось властями в МВД и Министерство государственных имуществ для принятия окончательного решения. Ходатайства были одиночными и групповыми. Каждый «ходок» представлял интересы нескольких семей, собравшихся на переселение. Власти поддерживали «ходаческое» движение, переселенцам и «ходатаям» на весь путь следования выдавались свидетельства, а общество предоставляло им средства для исполнения полномочий. Сведения «Вперёд!» о роли «ходоков» объективны. С. М. Кравчинский, опираясь на другие источники, писал, что «обычно, прежде чем переселяться, крестьяне посылают своих разведчиков – ходоков, чтобы получить у них сведения о новом крае» [8, с. 166].

Правительство, полагал Лавров, положило начало масштабной переселенческой политике, и он правильно отмечал в ней два этапа, отличавшихся вниманием государства к переселенцам из бывших помещичьих и государственных крестьян, сдерживая одних административными методами и поддерживая других организационно и материально. На первом (конец 1850-х – 1860-е гг.) правительство, вдохновленное началом реформ, оказывает помощь и экономическую поддержку переселенцам – бывшим крестьянам. Столкнувшись с внутренними и международными трудностями, отсутствием средств, на втором этапе в конце 1860-х – 1870-е гг. правительство отказало переселенцам в государственной поддержке и предоставило им самим решать вопрос передвижения и обустройства на новом месте. Внутри 1860-х гг. народники, впрочем, как и общественное мнение в целом, выделили два периода, когда бывшие государственные крестьяне имели льготы на переселение и когда правительство отказало в них (П. Л. Лавров).

Народники верно отметили, что основная масса крестьян-переселенцев была из европейских губерний России, а основными регионами вселения – Юго-Восток, Восток, Сибирь и Приморье. Малочисленные же потоки из Украины и более крупные русских крестьян из южных губерний ориентировались на Кавказ, а Белоруссии и Прибалтики – на северо-запад. Голод, отметил «Вперёд!», только усилил самостоятельный переселенческий поток, в том числе из Самарской, Сибирской и других губерний на Восток.

Аналогичные издания «Вперёд!» выводы о характере этапов переселенческих процессов сделал и С. М. Кравчинский, отмечавший, что «после завоевания... края (Средняя Азия, 1885 г. – А. З.) русскими поселенцами там были почти исключительно русские крестьяне; их призывали переселяться на новые земли для упрочения позиции империи и поощряли такие переселения». Но «положение изменилось с ростом народонаселения» и «прочным вхождением в состав империи» восточных областей, когда «чиновники... стали вводить новые методы “русификации”... беззастенчиво отбирать земли как у туземцев, так и у всех русских переселенцев... Расхищение земель происходит повсюду, даже в Сибири...» [там же, с. 137–140].

Недостаточно показано во «Вперёд!» передвижение крестьян от родных мест через всю страну к местам вселения, сопровождавшееся трудностями, подстерегавшими переселенцев и их семьи на каждом шагу. Поломка средств передвижения, выпадение тяглового скота, нехватка продовольствия, непогода, болезни, а порою и смерть главы семьи или кого-то из ее членов в дороге и многое другое, что невозможно было предвидеть, писали корреспонденты, были характерным явлением опасного и рискованно-

го процесса. Только надежда обрести более лучшую жизнь, чем на прежнем месте, заставляла переселенца идти вперед к осуществлению вожделенной цели. «Вперёд!» придавал в пропагандистских целях переселению крестьян характер опасного предприятия с множеством труднопреодолимых преград через неизвестную дорогу со множеством опасностей, подстерегающих их на каждом шагу вплоть до определения им властями мест оседлости, новых обетованных краев.

Освоение новых мест переселенцами стало объектом пристального интереса народников, актуализировавшегося в период массового «хождения в народ» и перехода социалистов во 2-й половине 1870-х гг. к оседлой пропаганде, что и откликнулось ростом публикаций на эту тему. Орган отметил размещение поселенцев, наделение их земель, своеобразие складывающегося нового быта и др. Власти на местах вселения формально контролировали прибытие семей переселенцев, как об этом писал В. Н. Черкезов. Он указал на недостатки в их действиях: не успевали своевременно подготовить земельные переселенческие участки из-за недостатка учета использования земли, выбранной ходаками для их доверителей, медлили с процессом оформления бумаг прибывших новоселов. В конечном итоге им доставались, сравнительно с оседлым населением, менее плодородные земли, недостаточные для более или менее успешного ведения хозяйства, цена арендованной земли у государства, помещиков или богатых съёмщиков-кулаков была завышенной. Кравчинский же писал о переселенцах в Сибири иначе: «Крестьяне здесь ничего не знают об аренде, ни об общинной собственности, каждый переселенец берет себе столько (земли. – А. З.), сколько может найти и может вспахать» [там же, с. 139].

Выходцы из одного селения устраивались компактно, одним массивом, образуя свои села и деревни. Предпочитавшие выделяться отдельными семьями создавали хутора и отруба.

«Вперёд!» отмечал, что переселенцы стремились восстановить на новом месте прежний тип социальных отношений в виде сельского общества и общины, тот же общественный и экономический быт, тот же образ жизни с учетом традиций и обычаев, что оставили на родине. Но Судзиловского и Черкезова настораживало, что переселенцы, прибегая к аренде и батрачеству, могли полностью порвать с прежним укладом и на основе экономики, построенной уже на индивидуальном и наемном труде, прийти к иным социально-экономическим и общественным отношениям, путь от которых к социализму далек и не совсем ясен. Новая жизнь на новом месте была лишена прежней стабильности родовых, семейных и общинных связей. Здесь переселенцы не могли полностью

воспроизвести прежние условия труда и быта, не всегда удавалось, как ни стремились они, сохранить верность традициям отцов и дедов. Нехватка рабочих рук, покупка семян и плодovitого скота, приобретение инвентаря и пр. подводили к складыванию другой стадии экономического развития, отличавшейся резко от прежнего семейного и общинного уклада на родине. Подобные утверждения «Вперёд!» не лишены оснований. Современный исследователь пореформенного сельского хозяйства А. В. Боярчук пишет, что «на новых местах... разложение тоже шло быстрыми темпами, так как затраты огромных средств на переезд и обустройство приводили во многих случаях к разорению середняка» [10, с. 75].

Новоселы не потревожили социальный, экономический и духовный мир местного населения. Исключалось вхождение переселенческих деревень в среду коренного населения. «Вперёд!» не заострял вопрос отношений переселенцев к местному населению. Они в основном не контактировали с ним и не ассимилировались, трудно сходились, и в этом «Вперёд!» был прав. Так, по мнению исследователя О. А. Васильченко, сельскохозяйственное освоение Дальнего Востока «не вызывало противодействия со стороны многочисленных аборигенов, для которых охота и рыбная ловля были основными занятиями» [11, с. 129].

Тем не менее государство, полагал Н. Г. Кулябко-Корецкий, именно здесь внимательнее, чем в других районах поселений, следило за оседлостью процесса [12, с. 438].

Но орган, зафиксировав нехватку земли на Кавказе [13, с. 449], не обратил внимания на возможность возникновения конфликтной ситуации с местным населением. «В действительности, – пишет современный исследователь З. Д. Адалова, – политика русского правительства была направлена на лишение крестьян Дагестана принадлежащей им земли и наделение ею местных феодалов и переселенцев из российских губерний» [14, с. 146]. Народники не называли конкретных цифр вселившихся и обратных переселенцев, но писали о схожести причин прямого и обратного потоков. Сложности и трудности адаптации, отмечал «Вперёд!», заставляли в основном самовольных переселенцев возвращаться назад.

В ходе анализа переселения крестьян Лавров не стремился к обобщениям административно-организационного, военно-стратегического, хозяйственного, конфессионального и этнического характера, да и такой цели он не ставил в публицистическом органе. Народники прежде всего выясняли вопрос, насколько переселение крестьян способствовало улучшению материального, экономического, хозяйственного положения, условий труда и быта, что, это правда, им не всегда удавалось показать из-за недостатка мате-

риала, да и тенденциозности подбора фактов и их комментария. В этом плане утверждение «Вперёд!», что царизм не имел постоянной и эффективной переселенческой политики, направленной на улучшение положения крестьянства, характерно и для исследователей вопроса. К. Р. Качаровский писал: «За четыре десятилетия бюрократия успела изменить несколько раз радикально свое отношение к переселению, перейдя от дореформенной “благожелательности” сначала к полному игнорированию переселения, затем к всемерному его задержанию, затем опять к “благожелательности” и, наконец, после крестьянских волнений, уже к “искренней благожелательности”» [15, с. 62]. Для Ф. Э. Багирова переселение русских крестьян «за период 1830–1914 гг. резко изменило социально-политическую и хозяйственно-экономическую жизнь края» [16, с. 148] (речь идет об Азербайджане XIX – начала XX в.).

В. Н. Черкезов делает два важных вывода, итоживших отношение народников к переселению крестьян как способу решения социального вопроса. Первый, что переселение крестьян с европейской России на юг, юго-восток и восток не решает вопроса об их трудном материальном положении: «В современной России народу нигде не найти тех желанных углов, в которых он был бы свободен от поборов царя и администрации, кулачества и кулаков». И «в таком случае, где искать народу облегчение своей невыносимо трудной жизни?». Второй, что сам факт масштабы заложения переселенцев «был бы лучшим доказательством необходимости коренного и самого быстрого переустройства основ современного общежития» [13, с. 449–450].

Лавров и его «Вперёд!» дали в целом пессимистическую оценку правительственной политики переселения крестьян. По мнению же И. Д. Ковальченко, «переселенцы внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хозяйственное освоение новых регионов» [9, с. 62–63].

Воронежский государственный университет
Забровский А. В., соискатель кафедры истории России
E-mail: andrei-zabrovski@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Лавров П. Л. VII. Мученичество русского народа / П. Л. Лавров // Вперёд! – Цюрих, 1873. – Т. I. Отдел 2.
2. Лавров П. Л. VIII. Защита государственного порядка / П. Л. Лавров // Вперёд! – Цюрих, 1873. – Т. I. Отдел 2.
3. Белянин Д. Н. Переселение крестьян в Сибирь в годы столыпинской аграрной реформы / Д. Н. Белянин // Российская история. – 2011. – № 1.
4. Судзиловский Н. К. Народ и студенчество / Мой отчет студентам университета / Продолжение / I / Н. К. Судзиловский // Вперёд! – 1875. – № 2.
5. Кулябко-Корецкий Н. Г. Плоды реформ / Н. Г. Кулябко-Корецкий // Вперёд! – Лондон, 1877. – Отдел 1.
6. Кулябко-Корецкий Н. Г. За две недели. XIV и XV / Н. Г. Кулябко-Корецкий // Вперёд! – 1876. – № 46.
7. Из Нижнего Ломова. Окончание // Вперёд! – 1876. – № 47.
8. Сепняк-Кравчинский С. М. Русское крестьянство / С. М. Сепняк-Кравчинский // В лондонской эмиграции. – М., 1968.
9. Ковальченко И. Д. Столыпинская аграрная реформа. Мифы и реальность / И. Д. Ковальченко // История СССР. – 1991. – № 2.
10. Боярчук А. В. Сельское хозяйство России после отмены крепостного права / А. В. Боярчук // Преподавание истории в школе. – 2009. – № 9.
11. Васильченко О. А. Государственная политика переселения на Дальнем Востоке (1861–1917 гг.) / О. А. Васильченко // Вопросы истории. – 2003. – № 10.
12. Кулябко-Корецкий Н. Г. За две недели. XVI и XVII / Н. Г. Кулябко-Корецкий // Вперёд! – 1875. – № 48.
13. Черкезов В. Н. За две недели. VI / В. Н. Черкезов // Вперёд! – 1875. – № 48.
14. Адалова З. Д. Земельный вопрос в Дагестане в конце XIX – начале XX века / З. Д. Адалова // Вопросы истории. – 2010. – № 8.
15. Качаровский К. Р. Народное право / К. Р. Качаровский. – М., 1906.
16. Багиров Ф. Э. Переселенческое движение в Азербайджане в 1830–1914 гг. / Ф. Э. Багиров // Вопросы истории. – 2010. – № 2.

Voronezh State University
Zabrovsky A. V., Post-graduate Student of the Russian History Department
E-mail: andrei-zabrovski@mail.ru